

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВЬ ЛЮЦИФЕРА

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
P67

James Rollins, Rebecca Cantrell

BLOOD INFERNAL

Copyright © 2015 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роллинс, Джеймс.

P67   **Кровь Люцифера / Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл ;**
[пер. с англ. М. В. Смирновой]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 464 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-83286-6

Орден сангвинистов подошел к финальной части операции, направленной на спасение человечества от вечного мрака и господства темных сил. Трое Избранных – Рун Корца, Джордан Стоун и Эрин Грейнджер – узнали, где на Земле сокрыт Первый Ангел, призванный уничтожить зло. Но чтобы добраться до этого места, им понадобится собрать сложнейшую головоломку и подобрать ключ к ангельской темнице. Да и что будет потом, хранителям Кровавого Евангелия неизвестно. Никто из них не знает, чего ожидать от пробужденного создания. Ведь это... сам Люцифер!

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-83286-6

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

*От Джеймса:
Ребекке за то, что она
вместе со мной проделала этот путь.*

*От Ребекки:
моему мужу и сыну.*

Как упал ты с неба, Денница, сын зари!
разбился о землю, попиравший народы.

Ис. 14:12

*Лето 1606 года от Рождества Господня
Прага, Богемия*

Наконец труды близятся к завершению...

Английский алхимик, коего все знали под именем Джона Ди, стоял в своей тайной лаборатории перед огромным колоколом, выдутым из гладкого, без единого изъяна, стекла. Колокол был достаточно высок, чтобы под ним мог во весь рост стоять человек. Сей дивный образец был создан опытейшим стеклодувом на далеком острове Мурано близ Венеции. И более года понадобилось артели ремесленников, дабы путем вращения и раздувания при помощи гигантских мехов превратить колоссальный шар расплавленного стекла в это совершенное творение. А затем еще пять месяцев драгоценный колокол со всеми предосторожностями везли от места его создания далеко на холодный север, ко двору Его Величества Императора Священной Римской империи Рудольфа II. И когда колокол прибыл в Прагу, император приказал, чтобы для него была выстроена тайная алхимическая лаборатория, окруженная вспомогательными мастерскими, кои раскинулись на огромные расстояния под пражскими улицами.

Это было десять долгих лет назад...

Ныне колокол был водружен на круглую железную подставку в углу основного помещения лаборатории. Края подставки давным-давно порыжели от ржавчины. Близ нижнего края колокола была сделана круглая стеклянная же дверца в половину его высоты, запертая на прочные засовы и притертая так, что воздух извне не мог попасть в колокол, а изнутри — просочиться наружу.

Джон Ди содрогнулся, глядя на колокол. Хотя он был доволен тем, что работа его близится к завершению, это также

внушало ему страх. Он уже возненавидел адское приспособление, зная, ради каких ужасных целей оно было создано. В последнее время он старался всеми силами держаться подальше от колокола. Целыми днями алхимик расхаживал по лаборатории в длинной робе, испятнанной химикалиями, заглядывал в колбы и реторты, едва не окуная в них свою седую бороду, и избегал обращать взгляд слезящихся глаз на пыльную поверхность стеклянного колокола.

Но ныне я почти исполнил порученное мне.

Отвернувшись от колокола, Ди подошел к камину и коснулся мраморной облицовки. Его скрюченные пальцы проделали ряд сложных движений — и в мраморе открылась потайная ниша. Только сам Джон и император знали о существовании этого крошечного углубления.

Когда алхимик сунул руку внутрь, позади него раздался яростный стук. Ди вновь повернулся к колоколу — к заключенной под стеклянным колпаком твари. Это существо, пойманное верными людьми императора, было доставлено сюда всего несколько часов назад.

Я должен действовать со всей возможной быстротой.

Нечистая тварь билась под колоколом, ударяясь о стекло, как будто чуяла, что грядет. Но при всей своей сверхъестественной силе она не могла выбраться на свободу. В этом не преуспели и куда более древние и сильные существа, как ни пытались.

За последние годы множество подобных созданий были заключены Джоном в стеклянное узилище.

Невероятное множество...

Хотя он знал, что ему ничего не угрожает, животная сущность его ощущала опасность. И разуму, при всей его способности к логике, нечего было противопоставить этому чувству.

Алхимик прерывисто вздохнул, вновь запустил руку в потайную нишу и извлек некий предмет, обернутый в промасленную ткань. Сверток был перевязан алым шнуром и заключен в восковую оболочку. Стараясь не повредить воск, Джон направился к занавешенному окну, крепко прижимая ношу к груди. Даже сквозь ткань и воск ужасающий холод, исходящий от предмета, леденил его пальцы и ребра.

Он слегка приоткрыл плотные портьеры, впустив в лабораторию узкий луч утреннего солнца, и дрожащими руками положил сверток в пятно света на каменной столешнице. Сам он встал по другую сторону, так, чтобы его тень даже краешком не задела поверхность предмета. Сняв с пояса острый тонкий нож, Ди разрезал воск и алый шнур. Потом с величайшей осторожностью развернул ткань, белые кусочки воска отделились от нее и осыпались на стол.

Солнце, сиявшее в эти ранние утренние часы над Чехией, озарило то, что скрывалось в коконе из воска и ткани: дивный самоцвет величиной с ладонь алхимика, переливающийся изумрудно-зеленым блеском. Но это был *не изумруд*.

— Алмаз, — прошептал Ди в безмолвии лаборатории.

В подземной комнате снова стало тихо, когда существо, сидевшее под колоколом, отшатнулось прочь от того, что сияло на столе. Взгляд твари загнанно метался из стороны в сторону, а солнечный свет, отражавшийся от самоцвета, бросал мерцающие зеленые отблески на оштукатуренные стены.

Джон не обратил ни малейшего внимания на страх пленницы и внимательно посмотрел на алмаз, в самом сердце которого ворочалась чернильно-черная мгла. Она была текучей, словно смесь дыма и масла, — живое существо, заключенное внутри алмаза, точно так же, как демоническая тварь была заключена под колоколом.

Хвала Господу за это.

Он коснулся холодного, как лед, самоцвета кончиком пальца. Если верить легенде, камень был добыт в глубочайших копиях Дальнего Востока. И подобно всем великим камням, он нес на себе проклятие — так гласила молва. Люди убивали ради того, чтобы завладеть им, и умирали вскоре после того, как самоцвет попадал в их руки. Более мелкие алмазы, добытые из той же жилы, украшали короны чужеземных властителей, но этому не была уготована столь пустая и суетная судьба, как его собратьям.

Ди осторожно поднял зеленый алмаз. Прошли десятилетия с тех пор, как камень высверлили изнутри. Два ювелира лишились остроты зрения, создавая внутри сияющего зеленого камня полость при помощи крошечных алмазных сверл. Крошечное отверстие закрывала костяная пластинка, такая тон-

кая, что почти просвечивала насквозь. Кость была похищена более тысячи лет назад из гробницы в Иерусалиме — это была последняя подлинная частица земного тела Иисуса Христа.

Или по крайней мере считалась таковой.

Джон закашлялся и, ощутив во рту металлический привкус крови, сплюнул в деревянное ведро, стоящее у стола. Недуг, пожиравший его изнутри, в последние дни мучил его почти непрерывно. Ди боролся за каждый вздох, гадая, не будет ли этот вздох последним. Легкие вздымались и опадали в груди со свистом и хрипом, словно порванные мехи.

Приглушенный стук в дверь заставил алхимика вздрогнуть, камень выскользнул из его пальцев и упал на деревянный пол. Вскрикнув, Ди быстро нагнулся за зеленой драгоценностью. Камень упал на пол, но не раскололся.

Боль пронзила сердце Джона, отдаваясь в левую руку. Он сполз на пол, прислоняясь к массивной ножке стола. Мензурка с желтой жидкостью упала на доски и разлетелась вдребезги. От краешка медвежьей шкуры, лежащей на полу, поднялся дымок.

— Мастер Ди! — послышался из-за двери юношеский голос. — Вам плохо?

Щелкнул замок, дверь распахнулась.

— Не подходи... — с усилием выдавил Джон. — Вацлав...

Но юноша уже вбежал в лабораторию, спеша на помощь наставнику, и поднял Джона с пола.

— Вы заболели?

Исцелить недуг Ди было не под силу даже самым могущественным алхимикам при дворе императора Рудольфа. Джон пытался сделать вдох, пока юноша поддерживал его. Наконец кашель утих, но острая боль в груди не ослабела, как это бывало прежде. Юный подмастерье осторожно провел пальцами по лбу Ди, стирая липкий пот.

— Вы не спали всю ночь. Ваша постель была не разобрана, когда я пришел сегодня утром. Я пошел проверить... — Вацлав умолк, глянув в сторону стеклянного колокола и обнаружив заключенное внутри существо. Это зрелище оказалось ужасным для взора столь молодого и чистого душой человека. Юноша приглушенно ахнул от изумления и ужаса.

Тварь посмотрела на него и положила ладонь на стекло, во взгляде ее читался голод. Острый ноготь царапнул внутреннюю поверхность колокола. Тварь не кормили вот уже несколько дней.

Вацлав не мог оторвать взор от нагого тела твари — тела прекрасной женщины. Волнистые белокурые волосы падали на ее округлые плечи, наполовину скрывая обнаженные груди. Ее можно было назвать едва ли не безупречной, но в слабом свете, просачивавшемся сквозь портьеры и проходившем сквозь толстый слой стекла, белоснежная кожа приобретала зеленоватый оттенок, как будто тело существа уже начало разлагаться.

Вацлав обратил глаза на Джона, желая получить объяснения увиденному.

— Мастер?

Юный подмастерье поступил на службу к Ди, будучи еще восьмилетним мальчиком, однако весьма сообразительным и проворным. Все эти годы Джон наблюдал, как Вацлав вырастает в юношу, искусного в смешивании зелий и возгонке масел. Его, несомненно, ожидало блестящее будущее.

Ди любил его, как родного сына.

Однако сейчас без колебаний поднял острый нож и полоснул юношу по горлу.

Вацлав схватился за рану и устремил взгляд на Джона, не в силах поверить в такое предательство. Кровь хлынула у него между пальцев и запятнала пол. Юноша упал на колени, обеими руками пытаясь остановить алый поток, уносящий жизнь.

Существо под колоколом бросалось на стенки своей стеклянной темницы с такой силой, что массивная железная подставка зашаталась.

Ты чуешь кровь? Это так тебя возбуждает?

Джон наклонился, поднял с пола зеленый самоцвет и поднес его к солнечному свету, дабы проверить целостность печати. Тьма ворочалась внутри, словно ища малейшую трещину, но выхода наружу не находила. Ди перекрестился и зашептал благодарственную молитву. Алмаз остался цел.

Снова положив камень на солнце, Джон преклонил колени рядом с Вацлавом и отбросил пряди кудрявых волос с лица юноши.

Бледные губы Вацлава дрогнули, в горле у него заклокотало.

— Прости меня, — прошептал алхимик.

Беззвучно, одним лишь движением губ, юноша задал вопрос — одно-единственное слово.

Почему?

Джон не мог ни объяснить этого своему подмастерью, ни искупить вину за убийство. Он лишь коснулся ладонью щеки юноши.

— Я хотел бы, чтобы ты не увидел этого. Чтобы ты прожил долгую жизнь, посвященную науке. Но Господь судил иначе.

Окровавленные пальцы Вацлава разжались, открыв страшную рану на горле. Карие глаза остекленели, когда жизнь покинула его тело. Джон осторожно опустил веки умершего — они все еще были теплыми и податливыми.

Склонив голову, алхимик быстро пробормотал молитву за упокой души Вацлава. Юноша был безгрешен, и ныне ему был уготован лучший мир. И все же это была тяжкая потеря.

Существо под стеклянным колоколом, бестия, некогда бывшая человеком, посмотрела в глаза алхимику. Ее взгляд скользнул к телу Вацлава, затем снова обратился на Джона. Должно быть, тварь прочла боль на лице Ди, потому что впервые с тех пор, как ее передали ему, она улыбнулась, обнажая длинные белые клыки и явно насмехаясь над его горем.

Джон с трудом поднялся на ноги. Боль в сердце не утихала. Нужно как можно быстрее закончить дело.

Шаткой походкой он прошел через комнату, закрыл дверь, которую Вацлав оставил нараспашку, и запер. К этому замку было лишь два ключа, и второй сейчас валялся на полу в луже стынущей крови Вацлава. Больше никто не побеспокоит Джона.

Алхимик вернулся к прерванному занятию, проведя пальцами по стеклянной трубке, идущей от колокола к рабочему столу. Он тщательно проверил, нет ли в трубке трещин или сколов, хотя эта проверка заняла немало времени. *Я слишком близок к результату, чтобы допустить хоть малейшую ошибку.*

На конце трубка сужалась, ее выходное отверстие было так мало, что в него едва можно было пропустить швейную иглу — то была работа искусного ремесленника, достигшего вершин

мастерства. Джон еще немного раздвинул плотные портьеры, так, чтобы утренний свет упал на узкий кончик стеклянной трубки.

Боль в груди нарастала, не давая шевельнуть левой рукой. Сейчас ему нужны были все силы, но они быстро таяли.

Трясущейся правой рукой он поднял камень. Самоцвет сиял в солнечном свете, прекрасный и смертоносный. Ди сжал губы, борясь с тошнотой, и при помощи крошечных серебряных щипчиков убрал костяную заслонку с одной из граней камня.

Колени у алхимика подкашивались, но он стиснул зубы, одолевая слабость. Теперь, когда костяная пластинка снята, самоцвет должен быть постоянно залит солнечным светом. Даже мгновенно упавшая тень позволит дымной тьме, обитающей внутри, выскользнуть в большой мир.

Это не должно случиться... по крайней мере сейчас.

Тьма уплотилась и поползла вверх по стенкам крошечной темницы, пытаясь достичь узкого отверстия, но остановилась, явственно страшась показаться на свет. Зло, сокрытое внутри камня, должно быть, неким образом чуяло, что солнечное сияние обладает властью уничтожить его. Единственным убежищем для этого зла сейчас была изумрудно-зеленая сердцевина алмаза.

Медленно, с величайшей осторожностью Джон совместил маленькое отверстие, высверленное в алмазе, с оконечностью стеклянной трубки. То и другое было сейчас залито солнечным светом.

Взяв горящую свечу, стоящую на испятнанной поверхности стола, алхимик поднял ее над алмазом, роняя капли воска на самоцвет и стеклянную трубку, так, чтобы эти капли образовали печать, непроницаемую для воздуха. Только после этого он задернул портьеры и позволил тьме укрыть зеленый камень. При свете свечи была видна темная масса, шевелящаяся в сердце алмаза. Тьма закрутилась маленьким смерчем и поползла вверх по краям отверстия. Ди задержал дыхание, наблюдая, как она перетекает через край. Казалось, эта тьма испытывает на прочность восковую печать. Лишь убедившись, что в воске нет ни малейшей щелочки, позволяющей просочиться в лабораторию, она потекла по стеклянной трубке. Пройдя по всей

ее длине, тьма закономерным образом должна была попасть туда, куда выводила эта трубка, — под стеклянный колокол, где была заключена женщина.

Джон покачал седой головой. Хотя эта тварь некогда и была женщиной, ныне она утратила право так именоваться, и ему не следовало даже думать о ней подобным образом. Она притихла и замерла в центре колокола, ее яркие синие глаза неотрывно смотрели на алхимика.

Ее кожа была безукоризненно-белой, словно алебастр, волосы были подобны струящемуся золоту, но через толстое стекло то и другое отливало водянисто-зеленым цветом. Но тем не менее она была самым прекрасным созданием, какое Ди видел за свою жизнь. Бестия прижала ладонь к стеклу, свет свечи озарил изящные длинные пальцы. Джон прошел через комнату и приложил свою ладонь к колоколу ровно напротив ее ладони. Стекло холодило его кожу. Джон всегда знал, что она будет последней его подопытной — даже если не принимать во внимание боль в груди и нарастающую слабость. Она была шестьсот шестьдесят шестой узницей этого колокола. Ее смерть станет завершением работы.

Движением губ она обозначила одно-единственное слово, тот же самый вопрос, который задал Вацлав.

Почему?

Ди ничего не мог ответить на это, как не мог ответить своему убитому подмастерью.

Ее глаза обратились на тьму, которая подползала все ближе к колоколу.

Как и все прочие, она подняла руки, обратив ладони на встречу омерзительной дымке, просочившейся в стеклянное узилище. Губы существа беззвучно шевелились, на лице отображался восторг.

В прежние годы Ди всегда ощущал смущение, глядя, как общаются между собой эти творения мрака, но это чувство давным-давно покинуло его. Алхимик прижался к стеклу, стараясь оказаться как можно ближе к ним. Даже боль в груди унялась, пока он наблюдал за происходящим.

Внутри колокола черный дым сконденсировался у верха колокола, образовав туман, состоящий из крошечных капель, — а потом обрушился на одинокую узницу стеклянной

темницы. Влага потекла по ее тонким пальцам, по вскинутым вверх рукам. Существо запрокинуло голову и закричало. Джону не нужно было даже слышать ее, чтобы распознать чувство, звучащее в этом крике: вся поза твари выдавала неистовый экстаз. Она поднялась на цыпочки, груди ее напряглись; она дрожала, когда капли омывали ее тело, покрывая его полностью.

Узница содрогнулась в последний раз и упала, ударившись о стенку колокола; ее тело, ныне безжизненное и обмякшее, сползло на дно темницы.

Туман завис над ее трупом, чего-то ожидая.

Свершилось.

Джон отшатнулся от колокола. Обойдя тело Вацлава, он поспешил к окну и широко распахнул портьеры. Ворвавшийся в лабораторию солнечный свет заиграл на боках стеклянного колокола. Тело проклятой твари, запертой внутри, вспыхнуло пламенем и превратилось в омерзительный дым, смешавшись с ожидающим туманом.

Черная дымка — ныне, когда к ней примешалась сущность твари, она стала значительно гуще — отпрянула от солнечного света и метнулась к единственному темному убежищу, которое смогла найти: к стеклянной трубке, ведущей обратно в алмаз. При помощи серебряного ручного зеркальца Ди отражал солнечный свет на трубку, преследуя и гоня нечистую тьму обратно в изумрудно-зеленую сердцевину самоцвета — в единственное место, где она могла укрыться в этом залитом солнцем мире.

И когда она вновь полностью, до последней капли, оказалась в каменной темнице, Джон осторожно сломал восковую печать, отделяя алмаз от трубки. Неукоснительно держа крошечное отверстие на свету, он отнес самоцвет к пентаграмме, которую давно уже начертал на полу, и положил камень в середину ее. Свет солнца по-прежнему озарял зеленый алмаз.

Теперь уже совсем скоро...

Ди аккуратно заключил пентаграмму в круг из крупы соли. Насыпая соль, он читал молитвы. Жизнь его шла к завершению, но он наконец-то сможет достичь того, о чем мечтал всегда: открыть врата в ангельский мир.